

Л.В. Петрич

ОСОБЕННОСТИ ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ СРЕДИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРЖЬЯ (1920–1930-е гг.)

Раскрыта деятельность советского государства по ликвидации неграмотности и малограмотности в сельских районах Оренбуржья. Указывается, что особенностями данного процесса являлись учет условий быта и сельскохозяйственного труда, многонациональный состав сельского населения; активно использовалось шефство рабочих города над деревней. Со второй половины 1920-х гг. применялись чрезвычайные методы, с начала массовой коллективизации культпоход принял форму агроколхозпохода, усилился соревновательный момент при организации обучения.

Ключевые слова: ликвидация неграмотности; сельское население; ликпункты; ликвидаторы; культармейцы; культпоход; Оренбуржье.

Актуальность обращения к опыту советского государства по ликвидации малограмотности и безграмотности сельского населения в 1920–1930-е гг. обусловлена научным интересом к тому, как и с помощью каких форм и методов решалась эта проблема, позволившая в короткий срок перейти от чрезвычайных мер к выстраиванию системы общего образования взрослых, что в конечном итоге дало возможность стране с невысоким процентом неграмотного населения превратиться в государство с достойным уровнем образования, культуры, науки.

К настоящему времени история ликвидации неграмотности в Советской России на раннем этапе ее истории получила отражение во многих исследованиях, однако эта тема не перестает быть актуальной для современной науки. Если для советской историографии важным было показать, что ликвидация безграмотности являлась одним из сегментов успешной, чрезвычайно результативной культурной революции [1–6], то для современных исследователей больший интерес представляет выявление того, как осуществлялся процесс приспособления указанной кампании к сезонности сельскохозяйственных работ, учитывались ли крестьянский менталитет и т.д. [7–9]. Региональные исследования дополняли общую картину ликвидации неграмотности, показывая особенности оренбургского советского села. Так, например, диссертационное исследование Н.И. Сайгина в силу богатейшей историографической базы до сих пор не потеряло своей актуальности для современных исследователей [10]. Новейшая историография пополнилась обобщающей монографией М.В. Попова, в которой представлена деятельность государственных органов и общественных организаций по ликвидации неграмотности уральского крестьянства, перечислены административные меры, практикуемые в начале массовой коллективизации [11]. О применении чрезвычайных методов во время культпохода в селах Оренбуржья писал в своей докторской диссертации С.С. Загребин [12]. Региональные исследователи пишут, что в сельской местности элементы принуждения при ликвидации неграмотности использовались особенно интенсивно [13].

Статья основана на материалах, помещенных в Государственном архиве РФ (далее – ГАРФ). Это прежде всего Ф. А 2314 – Всероссийская чрезвычай-

ная комиссия по ликвидации неграмотности и малограмотности (ВЧКЛБ) при наркомате просвещения РСФСР. Здесь помещены Положения о ВЧКЛБ, о губернских комиссиях по ликвидации безграмотности, о секциях национальных меньшинств ВЧКЛБ. Среди региональных архивов стоит отметить Оренбургский государственный архив социально-политической истории (далее – ОГАСПИ). Здесь большую ценность имеют фонды 371 – Оренбургский областной комитет ВКП (б), 267 – Оренбургский городской комитет РКП (б)-ВКП (б), а также фонд 1 – Оренбургский губернский комитет РКП (б)-ВКП (б), в которых имеются протоколы партийных конференций и пленумов, губернских комитетов, на которых решались важнейшие вопросы культурного строительства в области.

Обращение к материалам Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г., содержащим итоговые цифры переписи по Чкаловской области за 1926 и 1939 гг., позволило нам не только уточнить фактические данные, но и сопоставить их в ходе сравнительного анализа [14].

Приступая к выявлению особенностей ликвидации неграмотности в советском селе Оренбуржья, необходимо отметить, что работа подобного плана берет свое начало в конце XIX – начале XX вв. [15–18]. Однако ни о каком общегосударственном уровне речь не шла: культуру «поднимали» в основном земские органы и общественные организации. Все изменилось при новом политическом режиме, причем коренным образом. В 1919 г. новые органы власти издали декрет Совнаркома РСФСР «О ликвидации безграмотности среди населения Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», в котором впервые на общегосударственном уровне объявлялось об обязательном обучении грамоте всего населения в возрасте от 8 до 50 лет [19]. Во исполнение этого декрета вышел приказ Оренбургского губисполкома о ликвидации неграмотности среди населения губернии в связи с изданием декрета СНК от 26 декабря 1919 г., согласно которому все граждане от 14 до 50 лет должны были обязательно записаться в школы грамоты, а за «неаккуратное посещение школы без уважительных причин» учащиеся наказывались вплоть до отправки на принудительные работы [20].

Особое внимание в ликвидации неграмотности и малограмотности уделялось крестьянскому насе-

нию, так как Россия продолжала оставаться аграрной страной и большинство жителей проживало в селах.

Данные табл. 1 показывают, что в 1926 г. сельское население составляло 85,8% от всего проживающего в губернии населения, а в 1939 г. это число составило 77,3%. Кроме того, уровень грамотности сельского населения был значительно ниже, чем городского: в 1926 году уровень грамотности городского населения от 9 лет и старше составлял 74%, а сельского – 44% (подсчитано по: [14. С. 183]). Представленные цифры наглядно показывают все масштабы данной проблемы.

Таблица 1

Численность населения Чкаловской области по переписям
1926 и 1939 гг. (сост. по: [14. С. 180])

Чкаловская область	По переписи 1926 г.	По переписи 1939 г.
Все население	1 499 533	1 676 668
Городское население	212 828	379 927
Сельское население	1 286 703	1 296 741

Первая половина 1920-х гг. стала особо проблемной для ведения намеченной ликвидации неграмотности на селе в Оренбуржье. Село еще не отошло от последствий Гражданской войны, к ним присоединился голод 1921 г. Образовательная и культурная работа практически сошла на нет. Школы и библиотеки подверглись расхищению, отсутствовало освещение. Кадровый голод, отсутствие методических материалов, писчих принадлежностей, книг не давали развернуться работе [21. Л. 3].

Селения с нерусским населением наиболее трудно поддавались кампании по ликвидации неграмотности. В 1925 г. при обследовании киргизских ликпунктов Домбаровской и Орской волостей отмечалась «значительная пассивность местного населения, отсутствие зданий для школ и учебных пособий». Обучение затруднялось также из-за низкой плотности населения киргизских аулов и инерцией женского населения [22; 23. Л. 7]. Недостаток финансовых средств на проведение культурно-просветительной работы государственные органы пытались компенсировать за счет самообложения населения. В Оренбургской губернии в 1924 г. натуральное самообложение прошло по двум волостям Орского уезда и всем волостям Каширинского уезда. Средства шли на отопление и ремонт просветительных учреждений, постройку зданий, покупку учебно-методических пособий, выдачу единовременного пособия работникам просвещения [24. Л. 57–57 об.].

С начала 1920-х гг. стало широко применяться шефство рабочих городов над деревней. В 1924 г. в Оренбургской губернии была создана подшефная комиссия губернского комитета РКП (б). Шефство бралось над самыми отсталыми в культурном отношении селами, такими, например, как аул Буртинской волости Оренбургского уезда: население аула было более чем на 90 % неграмотным. Орская шефская комиссия в 1925 г. сделала 83 выезды в 10 подшефных деревень, провела 129 докладов и 39 спектаклей [25. Л. 91]. Работу в подшефных селах начинали прежде всего с учета всех неграмотных, проводилась беседа о важности ликвидации неграмотности, все неграмотное делилось на группы, к которым прикреплялись члены ячейки общества «Долой неграмотность» [26. Л. 4, 15]. Деревенские ячейки рас-

ходили свои денежные средства в следующем порядке: 75% шли на нужды ликвидации неграмотности и 25% – на агитацию за грамотность [27. Л. 18].

Увлечение революционной «чрезвычайщиной» не могло не перекинуться и на исследуемую нами кампанию: в 1924 г. в честь пятилетия декрета о ликвидации неграмотности по всем уездам губернии были проведены однодневник и трехдневник, в ходе которых все неграмотные и малограмотные вовлекались в ликпункты. Через печать проводилась агитация за грамотность, устраивались массовые торжественные выпуски учащихся из ликпунктов с вечерами агитации за грамотность [28. Л. 11 об.–12].

Новым явлением, уже не чрезвычайным, а скорее системным, стало внедрение таких форм, как передвижные школы и передвижные библиотеки. Первым удалось в 1924 г. охватить 30 сел, ведя работу по ликвидации неграмотности, вторые, представленные волостными библиотеками, обслуживали округу, привозя в села книги на полмесяца, затем следовал обмен и т.д. [29. Л. 22, 53].

Несмотря на то что к середине 1920-х гг. восстановление народного хозяйства в основном завершилось, внимание к деревне было неослабным. Удалось добиться того, что ликбезработа в целом была обеспечена помещениями для обучения с освещением, мебелью, учебными пособиями. Согласно Обзору состояния работы учреждений народного образования в Оренбуржье за 1925 г., всего в губернии было 59 школ неграмотных и малограмотных, из них в сельской местности – 28. Из 48 работающих в губернии преподавателей в сельской местности работало 19 человек, из 1 555 учащихся 730 обучалось в сельской местности [30. Л. 4]. В это время в программу обучения в обязательном порядке вводились материалы по политическому просвещению: на занятиях изучались материалы съездов и пленумов ЦК ВКП (б), речи вождей партии. Самой проблематичной в смысле грамотности демографической группой на селе оставались женщины, поэтому именно им было уделено особое внимание. В селах нередко открывались специальные женские ликпункты, как, например, в Булановской и Александровской волости Каширинского уезда, где обучалось 25 и 79 женщин соответственно. С большими трудностями протекала работа с женщинами-мусульманками, на них большое влияние оказывали мусульманские муллы. Учителей, как и прежде, не хватало, но регулярно работали курсы по повышению квалификации. Оплата учителей сельских ликпунктов была в два раза меньше, чем городских (16 руб. против 36 руб.). Губернским отделом народного образования и Грамчека был налажен инструктаж по методическим и организационным вопросам, работники Губоно принимали выезды на места для обследования работы, агитировали за грамотность.

VIII съезд комсомола с осени 1928 г. объявил культпоход, к комсомольскому походу присоединились партийные, советские, профсоюзные организации, общество «Долой неграмотность». Окружному городскому и районному советам и обществу «Долой неграмотность» предлагалось шире развернуть работу по ликвидации неграмотности и малограмотности в

первую очередь в совхозах и колхозах. Расширили работу комсомольские ячейки, они вели разъяснительную работу среди населения, организовывали курсы по подготовке ликвидаторов неграмотности, брали на учет все неграмотное население. Проводились мероприятия по повышению культурного облика сельчан. Примером налаженной работы стал поселок Ключи-Рычковский Оренбургского района. Здесь были открыты сельскохозяйственный кружок, избачитальня и кинопередвижка, что превратило его, «блиставший ранее самогоноварением, в образцовую деревню». Более того, общее собрание граждан по собственной инициативе воспротивилось открытию винного магазина. Аналогичным образом поступили жители хутора Адаево Красно-Знаменского сельсовета, они вынесли решение о передаче молитвенного дома под ликпункт, что и было вскоре реализовано [31. Л. 61].

Во второй половине 1920-х гг. ситуация с обучением взрослого неграмотного населения на селе продолжала оставаться очень сложной. Обследование семи сельских районов Оренбургской области показало нелицеприятную картину. В Кинзелинском сельсовете Люксембургского района школа взрослых повышенного типа постепенно прекратила свою работу из-за отсева обучающихся, причем первыми бросили школу комсорг и избач Великороднов [32. Л. 10]. Райком ВЛКСМ ни разу не заслушал отчет директора этой школы. В Кваркенском районе бросили школу половина ранее записавшихся на ликпункты женщин [33. Л. 17]. В Буртинском районе вместо 500 выявленных неграмотных обучалось только 70 человек [34. Л. 54]. Образованные в Сорочинском районе школы для взрослых вскоре прекратили свое существование из-за отсутствия тетрадей. Школа при колхозе «Коммунист» Акбулакского района размещалась в помещении фермы, без самой необходимой мебели и классной доски, учащиеся сидели на подоконниках или стояли, прислонившись к стене. Не улучшилось дело с организацией ликпунктов среди нерусского сельского населения. Школа при казахском колхозе «Коммунист» располагалась в помещении конюхов, не было учебников на казахском языке [32. Л. 10]. Самыми отстающими национальными районами были Домбаровский и Буртинский [35. Л. 16 об.]. В целом во время культпохода было охвачено обучением только 34% нацменовского населения [36. Л. 24 об.].

На XV съезде ВКП (б) в 1927 г. было принято решение о коллективизации, основной ее этап – сплошная коллективизация – пришелся на 1929–1930 гг. С начала массовой коллективизации вся культурно-массовая работа была подчинена пропаганде колхозного строя. Культпоход в 1929 г. шел под девизом «культурно-бытовой» и охватил 8 районов Оренбургского округа. На следующий год – культпоход 1930 г. – принял форму агроколхозпохода. В результате намечалось обучить 15 тыс. человек, из них в деревне – 12 тыс. Эта акция должна была обеспечить действенный перелом в работе [37. Л. 1]. Особое внимание уделялось районам сплошной коллективизации, в них обучение неграмотных и малограмотных должно было составить 100%. В 1931 г. по сельсоветам Орен-

бургского района было проведено 273 собрания по вопросам культурного строительства и культурного штурма. На собраниях выносили приговор о 100-процентной ликвидации неграмотности, были завербованы 3 211 подписчика периодических изданий, по сельсоветам было организовано 39 ячеек общества «Долой неграмотность». Были учтены неграмотные в 58 сельсоветах из 64 [37. Л. 33–36]. Радиоцентр систематически организовывал пропаганду культпохода: проводилась районная переключка сельсоветов по выполнению задач сплошной ликвидации неграмотности, через радиопередачи проводилось обучение малограмотных и инструктаж культармейцев [38. Л. 46].

В первой половине 30-х гг. XX в. работа по ликвидации неграмотности и малограмотности в сельской местности продолжалась с переменным успехом. Обследование сельских ликпунктов показало существенные недостатки во всей работе. Посещение ликпунктов было крайне слабое: в Домбаровском районе отсев составил 91%, женщины здесь занимались кустарно-пухлязальным промыслом и пренебрегали обучением [39. Л. 22]. Финансирование культпохода ложилось тяжелым бременем на плечи сельских жителей, поэтому на своих заседаниях они ходатайствовали об освобождении от взносов на культпоход из-за отсутствия средств [38. Л. 18, 20].

В ознаменовании 15-летия комсомола с 1 ноября 1933 г. по 20 января 1934 г. был организован краевой колхозный культпоход под лозунгом: «К 1 мая ни одного неграмотного в районе». Помимо массовых были и индивидуальные инициативы. В 1934 г. в бригаде № 3 колхоза им. К.Е. Ворошилова учительница Множкина проявила особую добросовестность в обучении неграмотных, большая часть неграмотных колхоза была охвачена обучением. Однако данный положительный опыт не был подхвачен в других колхозах, в большинстве сельских ликпунктов в тот же самый период обучались лишь 12–15% неграмотных, в некоторых сельских ликпунктах неграмотные и малограмотные даже не были учтены [40. Л. 2]. В селе Нижняя Павловка Оренбургского района занятия вообще не проводились из-за отсутствия тетрадей и учебников. Председатель колхоза «Красный летчик» Оренбургского района предложил учителям собрать с неграмотных и малограмотных колхозников по 5 рублей для приобретения тетрадей и учебников, но колхозники отказались, заявив: «Мы соглашались учиться, да еще (нам необходимо. – П.Л.) деньги платить!» [41. Л. 23].

Главной причиной неблагополучного состояния дел в отчетах называлась то, что секретари партийных ячеек, председатели сельсоветов и колхозов считали ликвидацию неграмотности второстепенной и необязательной работой. В результате в Постановление Горкома ВКП (б) и Горсовета от 2 января 1934 г. устанавливалось объявить строгий выговор инспектору Политпросвета Кузнецову, инспектору ликбеза Борису и секретарю ОДН Шишкову. Их предупреждали, что если к 25 января 1934 г. они не обеспечат коренного перелома, то будут сняты с работы и отданы под суд как за саботаж важнейшей работы. Учебой должны быть охвачены не менее 75% малограмотных

по колхозам и сельсоветам района. В этом же постановлении призывалось закончить учет неграмотных и малограмотных на селе к 10 января 1934 г. [40. Л. 2].

Значительной проблемой в сельской местности оставалось отсутствие необходимых кадров. Даже во второй половине 1930-х гг. преподаватели работали в порядке общественной нагрузки, поэтому качество обучения было низким в отличие от городов, где работали «платные» учителя. Большую роль в подготовке кадров играли педагогические конференции и курсы. В 1936 г. районо провел методическую конференцию культармейцев, где проходил обмен опытом. Заведующая школы взрослых Федосеева Приютинского сельсовета отмечала, что все культармейцы имеют учебные планы и расписание занятий. Она эмоционально делилась своими наработками по чтению и обсуждению с колхозниками рассказа М. Горького «Рождение человека» и смогла связать с этим правительственный проект о запрещении аборт. Резюме: «Стена недоверия и равнодушия была сломлена. Сейчас 17 колхозниц усердно ликвидирует свою неграмотность» [32. Л. 48]. В деле общего повышения культурного уровня огромную роль играли сельские библиотеки, например работа Покровской районной библиотеки. Она располагалась в четырех больших и хорошо оборудованных комнатах, фонд состоял из 8 тыс. книг, обслуживалось 1 757 читателей. При библиотеке были созданы 32 передвижки для организации чтения и досуга членов тракторных и полевых бригад [42. Л. 20].

Со второй половины 1930-х гг. развернулись активные мероприятия по выполнению постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О работе по обучению неграмотных и малограмотных». В 1936 г. в рамках реализации данного постановления в Оренбургской области началось обследование сельских ликпунктов, которое выявило отсутствие действенной работы в совхозах и колхозах. Обследование Саракташского района показало, что культпросветработа во время уборочной кампании велась плохо, сводилась главным образом к выпуску стенгазет, и только в некоторых бригадах и полевых станах проводились читки газет и книг, беседы, демонстрации кинокартин. Доставка газет во многих колхозах (колхоз им. Правды, колхоз им. В.К. Блюхера и др.) была организована плохо [43. Л. 8–9]. В целом данное обследование выявило отсутствие необходимых помещений, недостаток учебников и бумаги и, конечно же, самих преподавателей. Большинство сельских школ требовало ремонта.

На селе, как и прежде, остро не хватало преподавательских кадров. В отчетах о выполнении указанного Постановления при обследовании зерносовхозов им. В.М. Молотова и «Магнитострой» отмечалось полное отсутствие методического руководства культармейцами, они не имели программы, учебного плана. В большинстве сел занятия с неграмотными и малограмотными не проводились во время весеннего сева и уборки хлеба, неграмотные группы не отделялись от малограмотных. Сельская администрация не занималась вопросами обучения, не создавались комнаты для организации досуга детей во время занятости их матерей [44. Л. 7]. Предлагалось обучать кол-

хозников прямо на полевых станах и в тракторных отрядах [45. Л. 18]. Особое внимание рекомендовалось уделять нерусскому населению, в частности обучению казахов на их родном языке. Однако соответствующих преподавателей не хватало. Администрация Буртинского овцесовхоза и мясомолочного совхоза им. Я.М. Свердлова просила Областной отдел народного образования выслать на каникулярный период в сельский ликпункт культармейцев-казахов [46 Л. 30]. Администрации совхозов и колхозов грозили строгими мерами партийного взыскания за срыв работы по обучению неграмотных и малограмотных.

Большую роль в активизации названной работы во второй половине 1930-х гг. сыграли социалистические соревнования. В 1936 г. Бердский сельсовет Оренбургского района обратился ко всем сельсоветам с призывом организовать соревнование за село сплошной грамотности в честь VIII съезда Советов [47. Л. 35]. 19 октября 1936 г. вышло Постановление облисполкома и обкома ВКП (б) «О соревновании Советов за село сплошной грамотности». Было решено в газете «Оренбургская коммуна» и во всех районных газетах регулярно публиковать почетный список сел сплошной грамотности, заноса в этот список название села, фамилию председателя сельсовета, председателя секции совета из числа учителей, избачей и культармейцев. Создавался областной премиальный фонд в сумме 75 тыс. рублей для премирования лучших в ходе соревнования [42. Л. 41]. Обком ВКП (б) постановил утвердить порайонный план, который предусматривал завершение ликвидации неграмотности в 1936 г. Устанавливался план по каждому сельсовету и колхозу. Для сельских школ малограмотных вводился особый режим обучения, отличный от аналогичных городских школ. Если в городах учебный год длился 10 месяцев по 10 учебных дней и по 3 часа в день, то в сельской местности устанавливался учебный год продолжительностью 7 месяцев по 12 учебных дней в месяц и по 4 часа в день [48. Л. 32–33].

Массовые кампании неизбежно рождали приписки, что не соответствовало реальному положению дел. Президиум Соль-Илецкого райисполкома и райкома ВКП (б) в своем Постановлении от 3 октября 1936 г. отметил, что Дурнеевский сельский совет ликвидировал неграмотность и стал сельсоветом сплошной грамотности. Однако проверка на месте показала, что это не имеет под собой реальной основы [49. Л. 131–132]. Наибольшее отставание в деле ликвидации неграмотности и малограмотности наблюдалось в Буртинском, Орском, Люксембургском, Адамовском, Буранном и Матеевском районах [50. Л. 22]. Обследование в следующем 1937 г. показало, что темпы ликвидации неграмотности в сельских районах все еще не соответствуют поставленным планам, обучалось только около половины учтенных неграмотных и малограмотных. В информационном отчете Грачевского, Краснопартизанского и Каширинского районного комитетов ВКП (б) отмечалось, что в школах по ликвидации неграмотности наблюдается значительный отсев и количество обучающихся составило только 60% от общего количества неграмотных. В отчете Ново-Орского районного комитета ВКП (б) прозвуча-

ла фраза о «полном провале» в обучении неграмотных и малограмотных. Здесь из учтенных 2 114 неграмотных обучалось всего 872 человека, т.е. около 40%. Библиотеки-читальни были укомплектованы очень скудно. Например, даже в лучшей библиотеке Матвеевского района числилось только 600 экземпляров вместе с журналами. В виде исключения называлась организация культурно-просветительной работы в Соль-Илецком районе. Здесь имелся звуковой стационарный кинотеатр и две немых передвижки. Подчеркивалось, что «после того, как колхозники посмотрели звуковое кино, о немом не хотят и разговаривать». Высок у колхозников был спрос и на радио, но для его удовлетворения требовалось не менее 1 500 радиоточек [51. Л. 8, 25, 85, 127, 145, 191–192].

В целом, несмотря на отмеченные недостатки и трудности, работа по ликвидации неграмотности и малограмотности в сельской местности принесла свои положительные результаты, что отражено в данных Всесоюзной переписи населения 1939 г. по Чкаловской области.

Таблица 2

Грамотность населения Чкаловской области по переписям 1926 и 1939 гг., % (сост. по: [14. С. 183])

Возраст, лет	Год переписи	Городское население	Сельское население	Все население
9 лет и старше	1926	74,1	44,4	48,8
	1939	88,0	78,1	80,5

Материалы переписей показывают, что в ходе всей проведенной в 1920–1930-е гг. работы уровень грамотности сельского населения повысился в 1,7 раз, а это являлось значительным достижением.

Таким образом, особенностями ликвидации неграмотности и малограмотности на селе являлась необходимость учета условий быта и сельскохозяйственного труда, для чего устанавливался особый график учебы. Занятия нередко организовывались прямо по месту сельскохозяйственных работ, на полевых станах. Для повышения квалификации культурмейцев регулярно отправляли на курсы по повышению квалификации. Учитывался многонациональный состав сельского населения края, трудности в

обучении женщин. Для более полного охвата сельчан создавались передвижные школы и библиотеки, а также ликпункты с раздельным размещением женщин и мужчин. Чтобы облегчить процесс обучения женщин, обустроивались комнаты для организации досуга детей. В 1920-х гг. широко использовалось самообложение населения, сбор средств для организации ликвидации неграмотности. Применялось также шефство рабочих города над деревней. Со второй половины 1920-х гг. для стимулирования обучения взрослого населения и культурно-просветительной работы стали активно применяться чрезвычайные методы: культпоходы, организация социалистических соревнований «За грамотность!». Массовые кампании неизбежно рождали ситуацию, когда желаемое выдавали за действительное, в отчетах с мест массово появлялись приписки. С начала массовой коллективизации культпоход в Оренбуржье принял форму агроколхозпохода, усилился соревновательный момент при организации обучения.

Подводя итоги ликвидации неграмотности и малограмотности среди сельского населения, можно сделать вывод, что это был сложный и противоречивый процесс. В сельской местности ликвидация неграмотности и малограмотности затруднялась острой нехваткой педагогических кадров, методических материалов, помещений. На ликпунктах часто работали в основном не профессиональные педагоги, а грамотные комсомольцы и партийные работники. Профессиональные учителя нередко приглашались в порядке общественной нагрузки, т.е. бесплатно, что существенно снижало качество всей работы. В деле ликвидации неграмотности не всегда учитывались потребности обучаемых, уроки часто превращались в политические митинги и собрания, что рождало сомнения и разочарования в среде крестьян. Несмотря на все меры, именно в сельской местности наблюдался наиболее высокий отсев обучающихся из учебных учреждений, доходящий до 60–70%. Тем не менее вся проведенная в 20–30-е гг. XX в. работа по ликвидации неграмотности и малограмотности среди сельского населения привела к значительным положительным результатам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куманев В.А. Социализм и всенародная грамотность. Ликвидация массовой неграмотности в СССР. М. : Наука, 1967. 326 с.
2. Стеллиферовская Е.Н. Культурно-просветительная работа в деревне (1924–1925) // Очерки по истории советской науки и культуры : материалы по истории русской культуры / под ред. чл.-корр. АН СССР проф. А.В. Арциховского. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. 392 с.
3. Ушаков Н.М. Борьба за повышение грамотности в деревне Южного Урала 1928–1932 гг. // Московский ордена трудового красного Знамени Государственный педагогический институт им. В.И. Ленина : Ученые записки № 421 (история СССР). М., 1971. 239 с.
4. Беткенбаева Ш.К. Борьба за осуществление Ленинского декрета о ликвидации безграмотности среди населения в казахском ауле (1917–1940 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1983. 194 с.
5. Третьяков В.В. Повышение культурного уровня уральского крестьянства в первые годы Советской власти (1917–1920 гг.) // Развитие культуры уральской советской деревни (1917–1987 гг.) : сб. науч. тр. Свердловск : УрОАН СССР, 1989. 163 с.
6. Попов М.В. Формирование культурного облика крестьянства Урала в 1926–1937 гг. // Развитие культуры уральской советской деревни (1917–1987 гг.) : сб. науч. тр. Свердловск : УрОАН СССР, 1989. 163 с.
7. Павлов П.Ю. История развития народного образования в сельских районах Приамурья в 1922–1941 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2001. 25 с.
8. Шипилина Г.В. Ликвидация неграмотности в сельской местности Томско-Нарымского Приобья в 1920-е гг. и ее итоги // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 168–171. DOI: 10.17223/15617793/408/25
9. Баландина Н.И., Баландин Н.И. Ликвидация неграмотности крестьянства северного края в 1920–1930-е годы // Материальное положение, быт и культура северного крестьянства (советский период) : межвуз. сб. науч. тр. Вологда : Изд-во Вологод. гос. пед. ин-та, 1992. С. 131–139.
10. Сайгин Н.И. Коммунистическая партия – организатор культурного строительства в первые годы Советской власти (по материалам Южного Урала) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. 257 с.

11. Попов М.В. Культура и быт крестьян Урала в 1920–1941 годах. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1997. 181 с.
12. Загребин С.С. Культурная политика государства и ее реализация на Урале в 1900–1940 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 1999. 700 с.
13. Цибульский Н.Б. Новый этап движения за всеобщую грамотность в Челябинской области во 2-й половине 30-х годов // Проблема социально-экономического и политического развития Урала в XVIII–XX веках : сб. науч. тр. / под ред. А.П. Абрамовского. Челябинск : Челябин. гос. ун-т, 1997. 180 с.
14. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года : Уральский регион : сб. материалов / сост. В.П. Мотревич. Екатеринбург : Изд-во гуманитар. ун-та, 2002. 372 с.
15. Петрич Л.В. Учет этнического компонента в обучении казахов на территории Оренбургского края в первой трети XX века // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Вып. 1 (75), т. 10. Россия – Казахстан: веки истории. DOI: 10.18254/S0002547-0-1
16. Любичанковский С.В. Профессионально-педагогическая выставка 1898 года и имперская политика аккультурации // Вопросы истории. 2018. № 5. С. 125–135.
17. Lyubichankovskiy S. Imperial Acculturation on Russia's Southeastern Frontier: an International Survey // RUDN Journal of Russian History. 2020. Vol. 19, № 3. P. 727–740.
18. Lyubichankovskiy S., Akanov K. Orenburg in the history of integration of Kazakh steppe in the Russian imperia XVIII – beginning of XX century // Былые годы : российский исторический журнал. 2018. № 48 (2). С. 484–495.
19. Декрет о ликвидации безграмотности среди населения Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, 26 декабря 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. VII: 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. М. : Политиздат, 1975. С. 50–51.
20. Приказ Оренбургского губисполкома о ликвидации неграмотности среди населения губернии в связи с изданием декрета СНК от 26 декабря 1919 г. // Культурное строительство в Оренбуржье : документы и материалы. 1918–1941. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1985. С. 20–21.
21. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 2314. Оп. 3. Д. 17.
22. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-450. Оп. 1. Д. 720.
23. Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ). Ф. 7. Оп. 7. Д. 372.
24. ГАОО. Ф. 533. Оп. 1. Д. 72.
25. ОГАСПИ. Ф. 7. Оп. 7. Д. 387.
26. ОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 353.
27. ОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1043.
28. ОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 551.
29. ОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 603.
30. ГАОО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 433.
31. ОГАСПИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 159.
32. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 682.
33. ОГАСПИ. Ф. 4. Оп. 4. Д. 159.
34. ОГАСПИ. Ф. 738. Оп. 1. Д. 5.
35. ОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1413.
36. ОГАСПИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 163.
37. ОГАСПИ. Ф. 267. Оп. 2. Д. 154.
38. ОГАСПИ. Ф. 267. Оп. 1. Д. 113.
39. ОГАСПИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 20.
40. ОГАСПИ. Ф. 267. Оп. 5. Д. 146.
41. ОГАСПИ. Ф. 267. Оп. 4. Д. 113.
42. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 466.
43. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 458.
44. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 464.
45. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 453.
46. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 449.
47. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 633.
48. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 431.
49. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 489.
50. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 471.
51. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 2. Д. 116.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 октября 2020 г.

Features of Eradicating Illiteracy Among the Rural Population of the Orenburg Region (The 1920s–1930s)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 175–182.

DOI: 10.17223/15617793/469/23

Larisa V. Petrich, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: Lorapavlova@list.ru

Keywords: eradication of illiteracy; rural population; education center; teachers; cultural campaigns; Orenburg region.

The aim of the article is to reveal the activities on eradicating illiteracy and low literacy among the rural population. The article was written on the materials of the Orenburg region of the 1920s–1930s. The historical-comparative method was applied: it was necessary to compare the data on the number and level of literacy of the urban and rural population, and also to compare the materials of the population censuses of 1926 and 1939 according to the specified parameters. The author used the principle of objectivity for an adequate and impartial analysis of the work on eradicating illiteracy and little literacy in the rural areas of the Orenburg region. The author thoroughly analyzes the historiography of the problem. Modern historians point out that the new authorities paid increased attention to the eradication of illiteracy in the countryside; administrative measures were actively applied for the purpose. The unpublished sources used as material for the research were obtained from the funds of the State Archive of the Russian Federation; among the regional archives, it is worth noting the Orenburg State Archive of Social and Political History. The author shows that the features of the eradication of illiteracy and low literacy were the need to take into account the conditions of life and agricultural labor. The multinational composition of the rural population of the region was taken into account: mobile schools and libraries were created, special premises with separate training for women and men were organized. The patronage of city workers over the village was actively used. From the second half of the 1920s, extraordinary methods were used among the rural population: cultural trips, socialist competitions for literacy. Since the beginning of mass collectivization, the cultural campaign in the Orenburg region took the form of an agricultural collective farm campaign, the competitive element in the organization of training intensified.

In rural areas, the eradication of illiteracy and low literacy was hampered by an acute shortage of teaching staff, teaching materials, rooms with heating and lighting. In rural areas, it was not professional teachers who worked in training centers, but literate Komsomol members and party workers. Professional teachers often worked on a social basis, that is for free, which significantly reduced the quality of educational work. Despite all the measures, it was in rural areas that the highest rate of student dropout from educational institutions was observed, reaching 60–70%. Summing up the results of the eradication of illiteracy and low literacy among the rural population, the author concludes that this was a complex and contradictory process. In the eradication of illiteracy, the needs of the trainees were not always taken into account, lessons often turned into political meetings and gatherings, which gave rise to doubts and disappointment among peasants. Nevertheless, all the work carried out in the 1920s–1930s to eradicate illiteracy and low literacy among the rural population led to significant positive results.

REFERENCES

1. Kumanev, V.A. (1967) *Sotsializm i vsenarodnaya gramotnost'*. Likvidatsiya massovoy negramotnosti v SSSR [Socialism and popular literacy. Eradication of mass illiteracy in the USSR]. Moscow: Nauka.
2. Stelliferovskaya, E.N. (1968) Kul'turno-prosvetitel'naya rabota v derevne (1924–1925) [cultural and educational work in the countryside (1924–1925)]. In: Artsikhovskiy, A.V. (ed.) *Ocherki po istorii sovetskoy nauki i kul'tury: materialy po istorii russkoy kul'tury* [Essays on the history of Soviet science and culture: materials on the history of Russian culture]. Moscow: Moscow State University.
3. Ushakov, N.M. (1971) Bor'ba za povyshenie gramotnosti v derevne Yuzhnogo Urala 1928–1932 gg. [The Struggle to Improve Literacy in the South Ural Village, 1928–1932]. *Moskovskiy ordena trudovogo krasnogo Znameni Gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut im. V.I. Lenina: Uchenye zapiski*. 421.
4. Betkenbaeva, Sh.K. (1983) *Bor'ba za osushchestvlenie Leninskogo dekreta o likvidatsii bezgramotnosti sredi naseleniya v kazakhskom aule (1917–1940 gg.)* [Struggle for the implementation of Lenin's decree on the eradication of illiteracy among the population in the Kazakh aul (1917–1940)]. History Cand. Diss. Alma-Ata.
5. Tret'yakov, V.V. (1989) Povyshenie kul'turnogo urovnya ural'skogo krest'yanstva v pervyye gody Sovetskoy vlasti (1917–1920 gg.) [Raising the cultural level of the Ural peasantry in the early years of Soviet power (1917–1920)]. In: *Razvitie kul'tury ural'skoy sovetskoy derevni (1917–1987 gg.)* [Development of the culture of the Ural Soviet village (1917–1987)]. Sverdlovsk: UrOAN SSSR.
6. Popov, M.V. (1989) Formirovaniye kul'turnogo oblika krest'yanstva Urala v 1926–1937 gg. [Formation of the cultural image of the Ural peasantry in 1926–1937]. In: *Razvitie kul'tury ural'skoy sovetskoy derevni (1917–1987 gg.)* [Development of the culture of the Ural Soviet village (1917–1987)]. Sverdlovsk: UrOAN SSSR.
7. Pavlov, P.Yu. (2001) *Istoriya razvitiya narodnogo obrazovaniya v sel'skikh rayonakh Priamur'ya v 1922–1941 gg.* [The history of the development of public education in rural areas of the Amur region in 1922–1941]. Abstract of History Cand. Diss. Khabarovsk.
8. Shipilina, G.V. (2016) Organization of efforts to eradicate illiteracy among peasantry of the Tomsk and Naryn Ob territory in the 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 408. pp. 168–171. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/408/25
9. Balandina, N.I. & Balandin, N.I. (1992) Likvidatsiya negramotnosti krest'yanstva severnogo kraya v 1920–1930-e gody [Eradication of illiteracy of the peasantry of the northern region in the 1920s–1930s]. In: *Material'noe polozhenie, byt i kul'tura severnogo krest'yanstva (sovetskiiy period)* [Material position, life and culture of the northern peasantry (Soviet period)]. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute. pp. 131–139.
10. Saygin, N.I. (1967) *Kommunisticheskaya partiya – organizator kul'turnogo stroitel'stva v pervyye gody Sovetskoy vlasti (po materialam Yuzhnogo Urala)* [The Communist Party – the organizer of cultural construction in the early years of Soviet power (based on materials from the South Urals)]. History Cand. Diss. Moscow.
11. Popov, M.V. (1997) *Kul'tura i byt krest'yan Urala v 1920–1941 godakh* [Culture and life of the peasants of the Urals in 1920–1941]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
12. Zagrebin, S.S. (1999) *Kul'turnaya politika gosudarstva i ee realizatsiya na Urale v 1900–1940 gg.* [cultural policy of the state and its implementation in the Urals in 1900–1940]. History Dr. Diss. Chelyabinsk.
13. Tsibul'skiy, N.B. (1997) Novyy etap dvizheniya za vseobshchuyu gramotnost' v Chelyabinskoy oblasti vo 2-y polovine 30-kh godov [A new stage in the movement for universal literacy in Chelyabinsk Oblast in the 2nd half of the '30s]. In: Abramovskiy, A.P. (ed.) *Problema sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Urala v XVIII–XX vekakh* [The problem of socioeconomic and political development of the Urals in the 18th–20th centuries]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University.
14. Motrevich, V.P. (2002) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya SSSR 1939 goda: Ural'skiy region: sb. materialov* [The 1939 All-Union Population Census of the USSR: Ural Region: materials]. Yekaterinburg: Izd-vo gumanit. un-ta.
15. Petrich, L.V. (2019) Paying Attention to the Ethnic Component in the Education of Kazakhs in the Orenburg Region in the First Third of the 20th Century. *Istoriya*. 1 (75):10. (In Russian). DOI: 10.18254/S0002547-0-1
16. Lyubichankovskiy, S.V. (2018) Professional'no-pedagogicheskaya vystavka 1898 goda i imperskaya politika akkul'turatsii [Professional-pedagogical exhibition of 1898 and the imperial policy of acculturation]. *Voprosy istorii*. 5. pp. 125–135.
17. Lyubichankovskiy, S. (2020) Imperial Acculturation on Russia's Southeastern Frontier: an International Survey. *RUDN Journal of Russian History*. 19 (3). pp. 727–740.
18. Lyubichankovskiy, S. & Akanov, K. (2018) Orenburg in the history of integration of Kazakh steppe in the Russian imperia XVIII – beginning of XX century. *Bylye gody*. 48 (2). pp. 484–495.
19. RSFSR. (1975) Dekret o likvidatsii bezgramotnosti sredi naseleniya Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki, 26 dekabr'ya 1919 g. [Decree on the eradication of illiteracy among the population of the Russian Socialist Federative Soviet Republic, December 26, 1919]. In: *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Decrees of the Soviet government]. Vol. VII. Moscow: Politizdat. pp. 50–51.
20. Saygin, N.I. (ed.) (1985) Prikaz Orenburgskogo gubernskogo o likvidatsii negramotnosti sredi naseleniya gubernii v svyazi s izdaniem dekreta SNK ot 26 dekabr'ya 1919 g. [Order of the Orenburg Provincial Executive Committee on the eradication of illiteracy among the population of the province in connection with the issuance of the SNK decree of December 26, 1919]. In: *Kul'turnoe stroitel'stvo v Orenburzh'e: dokumenty i materialy. 1918–1941* [Cultural construction in Orenburg: documents and materials. 1918–1941]. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. kn. izd-vo. pp. 20–21.
21. State Archive of the Russian Federation. Fund 2314. List 3. File 17.
22. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund R-450. List 1. File 720.
23. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 7. List 7. File 372.
24. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 533. List 1. File 72.
25. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 7. List 7. File 387.
26. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 1. List 1. File 353.
27. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 1. List 1. File 1043.
28. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 1. List 1. File 551.
29. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 1. List 1. File 603.
30. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 188. List 1. File 433.
31. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 4. List 1. File 159.
32. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 371. List 1. File 682.

33. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 4. List 4. File 159.
34. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 738. List 1. File 5.
35. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 1. List 1. File 1413.
36. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 4. List 1. File 163.
37. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 267. List 2. File 154.
38. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 267. List 1. File 113.
39. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 4. List 1. File 20.
40. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 267. List 5. File 146.
41. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 267. List 4. File 113.
42. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 371. List 1. File 466.
43. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 371. List 1. File 458.
44. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 371. List 1. File 464.
45. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 371. List 1. File 453.
46. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 371. List 1. File 449.
47. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 371. List 1. File 633.
48. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 371. List 1. File 431.
49. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 371. List 1. File 489.
50. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 371. List 1. File 471.
51. Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI). Fund 371. List 2. File 116.

Received: 23 October 2020